

Эдуард Эстерис

Из коробочки

рассказы и рассказыки

Эдуард Эстерис
Из коробочки.
Рассказы и рассказыки

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36331149
ISBN 9785449329523*

Аннотация

Бывают такие коробочки: в них найдутся канцелярские скрепки, ненужные ключи, винтики и гаечки, камешек, привезенный с моря, записки, этикетки... От реализма до фантастики и сказки.

Содержание

Мира мерцание	5
Невеста	6
Кай	8
Розы на Невском	12
У нее в голове завелись бабочки	14
Губки покрашенные	16
Ледниковый период	18
Мэр	21
Трехцветка	30
Короткое лето Аринды	36
Не плачь, сестренка	42
Патиссоны	45
Две сказки пещерных времен	52
Круги на воде	52
Так появилась душа	55
Зеленый алинк	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Из коробочки Рассказы и рассказыки

Эдуард Эстерис

© Эдуард Эстерис, 2018

ISBN 978-5-4493-2952-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мира мерцание

В пять лет я радовался миру,
в десять – пытался его понять,
в семнадцать – готовился покорить,
в тридцать – устраивался в нем поудобнее.

Сейчас надеюсь,

что он отпустит меня с миром, не слишком мучая напо-
следок.

Невеста

В тихие воды смотрелась, словно невеста в зеркало. Маковку еще бы поновить, позолотить. К празднику обещал трактирщик. За сына. Не довелось покрасоваться. Убили парня.

«За здоровье государя императора. За победу над супостатами!» Тянется запах сладкий, смертный. Тяжело вздыхают бабы.

«Хватит! Мужиков на бойню гонят! Дети с голоду пухнут! Долой!»

«У Бога только мироедам тепло! Нас не спас! Бей!»

Нутро золоченое выпотрошили. Тело белое обезглавили. Ишь, прочна оказалась. Не ломится, не валится.

Будет вместо ладана – солярка. Вместо молитв – лязг инструментов. Послужила богатеям, теперь народу послужишь. Побыла боярышней, побудь теперь девкой-батрачкой.

Сколько лет прошло? Камню ли годы считать. Нет давно машинно-тракторной станции. Опустела деревня. Только ласточки под сводами гнезда вьют.

И вдруг... Вспомнили о ней. Вычистили-вымыли, починили. Благолепие. С верхотуры видать, издали черный жук ползет. Батюшка поспешает, службу служить. Праздник сегодня великий. Из города приедут. А как же. Говорят, здесь место особое. А в деревне три старухи остались. Пройдет

праздник, останется она опять одна-одинешенька. Платье новехонькое, маковка золотая. Словно невеста в мечтаниях. Сбудутся ли?

Кай

(история деревенского пса, рассказанная его хозяйкой)

– В деревне без собаки нельзя. Как без собаки? Из тридцати домов, в двенадцати только постоянно живут. В некоторые еще на лето приезжают, как на дачу. Город близко, всякая пьянь норовит пожитья. Напротив нас генерал летом в доме живет. А зимой нет никого. Раз вечером пришли пограбить, ладно, соседи вышли с фонарем, да спустили собаку, так спугнули, но все равно воры кое-что унесли.

У меня мама живет в доме весну, лето, осень. Одна, мы к ней только на выходные приезжаем, да отпуск проводим. Как ей без собаки?

Собака должна быть серьезная, не шавка-жучка какая-нибудь. У нас пес был, Каем звали. Его из питомника милицейского продали по дешевке, потому что в выбраковку пошел, всей статью и ростом овчарка, а глаза желтые, волчьи, и мордой на лайку похож. Видно, лаячья кровь примешалась. И нравом непрост. Мы его поначалу на площадку собачью водили, чтоб научить хоть простым командам, сидеть, лежать, да фас. Инструкторша говорила:

– Ну и питомец у вас, ведь все-то выучил, да делает только, если захочет.

И правда, скажешь ему: «сидеть» или «голос!» А он этак голову наклонит, посмотрит внимательно, оскалится, будто насмехается. Захочет – выполнит команду. Ладно уж, если вам так хочется, могу. А не захочет – встанет и в сторону отойдет, не исполнив. И ничего с ним не сделаешь. Как будто понимает, что это все так, не главное. Главное – дом охранять. Тут уж он был на высоте. Лаял грозно, как положено, по-пустому не гавкал. Раз мужик чужой во двор забрался, так он его повалил и держал, пока я не вышла и не велела отпустить.

Озорник он, конечно, был, просто ужас. Мать его кормила, а что не так, так веником. И он умудрился ей мстить. Посмотрит, как она над грядками нагибается, прыгнет сзади, и повалит. Кусать не кусал. Другое дело, мог за руку зубами взять и держать, но осторожно. Пьяных страсть как не любил, и не любил, когда внуки мои возились, вроде драки. Тут он сразу ринется разнимать, за руки хватать.

Кот у нас был, Борька. Пока щенок рос, они играли, спали бок о бок, а как вырос, стал кота доводить. То за шкурку его по двору таскает, то, хуже того, в лужу примется макать. Я ему:

– Брось кота, ирод, ведь ты с ним дружил, из одной миски жрал!

А он желтыми глазами своими уставится, кота отпустит лениво этак. И никакого раскаяния. Кот так потом и пропал у нас, сбежал от такой жизни.

А еще любил на ежей охотиться. Ежи по ночам в сад забирались, должно быть, через дырки в сетке. Придут и ну по клубнике шастать. Кай ночью на цепи обычно не сидел. Вот он учует ежа и давай ловить, а еж в клубок скатится. Пес его и так и эдак, катает по земле, только что в землю не вошьет, злится, шум, лай. Приходится вставать, брать фонарь и отнимать ежа, а не то спать не даст и клубнику помнет.

Своенравный он был, нрав бандитский. Уши болели у него, так только мне давался лечить, да и то, случалось, зубами прихватывал. Но все равно, дельная собака.

А погиб через любовь. Стала к нам ходить лаечка одна. Красивая, сама рыжая, а голова черная, я таких и не видела никогда. Мы ее Кармен прозвали, но не знали, чья. Бывало, встанут они друг против друга напротив сетки и нюхают, долго так могли простоять. Он, если захочет, легко через сетку перемахивает, а она не может. А как-то смотрим, она у нас во дворе, и Кай ей лучшую кость тащит. Не сразу поняли, как же она к нам попадает. А потом углядели, что там, где частый малинник возле забора, они вдвоем лаз под сеткой подрыли, каждый со своей стороны. Мы, конечно, ход закопали, Кая на цепь, к чему нам чужая собака. Но долго его на цепи жаль держать, мы уехали, а мать пожалела, с цепи спустила. И надо же, Кармен как знала, пришла, понюхали она друг друга, постояли по своему обыкновению, будто обсудили, как быть, да он как махнет через забор, разве удержишь. Мать думала, пес нагуляется и вернется, ан нет. По-

том только нам рассказали, что лайка была из соседней деревни. И под домом хозяйки ее эти двое вырыли нору. Стали жить как волк с волчицей, щенки появились. Женщина эта молоком торговала, самогоном тоже не брезговала, и ходила к ней. Кай и прежде пьяных не жаловал. А теперь, должно быть, злился, рычал, кидался, за семейство свое боясь. Пьянчуги деревенские и надумали его извести. Втроем сговорились. Уж не знаю, как, но смогли веревку на шею ему накинуть, потащили в лес. Говорят, страшно убивали, палками, а он визжал и плакал, так что с дороги слышно было. Мне сказали потом, кто и как Кая нашего... Встретила как-то одного из них и говорю:

– Что ж ты собаку-то мою?! Ведь знал, что моя, привел бы, я б тебе еще и денег дала...

Ну, что с него, алкаша, взять, молчит.

А в следующую зиму все трое умерли. Один с пьяных глаз под поезд попал и насмерть, другой – от болезни, печень сдала, а третий сторел с матерью вместе в доме, и от дома одни головешки остались. Мать свою он колотил зверски. А бабки по деревне потом шептались, мол, это им за пса такая судьба... Болтовня, конечно. Такие пропойцы были, что не дай бог.

Кая жалели мы. Бандюга, гордый, но хорош был. Так и погиб ведь не за сладкий кусок, за любовь. Теперь другая овчарка у нас. А как иначе, в деревне без собаки нельзя.

Розы на Невском

Милочка шла по Невскому. Кое-где дотаивали остатки снега. Блики плясали в лужицах, вспыхивали в стеклянном глобусе на крыше «Дома книги». Голубое, белое, золотое – небо и солнце. Черное и красное – парень в морской форме идет от цветочного ларька с охапкой роз прямо к Милочке.

– Это вам, – девушка осторожно приняла колючий стебель.

– Спасибо...

«Подводник... И глаза не улыбаются»...

А даритель двинулся дальше, раздавая цветы направо и налево, девушкам и старухам.

Две подружки весело чмокнули моряка в щеки. Пожилая дама в сиреневой фетровой шляпке недовольно бросила: – Вот ведь, выдумал, если деньги лишние, бедным бы отдал...

Подводник пережил аварию. Не такую, о которой сообщают в новостях. Локальную, о которой не принято распространяться. Потому что все обошлось, и ни к чему портить репутацию флота. Пожар в отсеке. Он успел вытащить товарища, но тот умер от ожогов. А у него над головой снова оказалось небо, не стальной потолок и толща вод. Солнце, розы, красивые девушки... И надо снова пробовать жизнь на вкус...

«Надо же, попала под раздачу...» – грустно усмехнулась

про себя Милочка. «Странный... Наверное, у него что-то хорошее случилось...»

У нее не было парня, а цветы дарили только сослуживцы в день рождения или на Восьмое марта.

У нее в голове завелись бабочки

У нее в голове завелись бабочки. Разные. Бледно-желтые махаоны с синими окошечками по зубчатым краям крыльев, небесно-яркие маленькие голубянки, мрачные мнемозины, чьи крылья в черно-белую клетку напоминали о дуализме мира, и еще какие-то совсем непонятные, одно крыло красное, другое белое, а два других – оранжевые, как на детских рисунках или рекламном плакате. Чтобы их описать всех, понадобилось бы предложение-«гусеница», такое длинное, что к его концу легко забылось бы, где жили все эти выставочные экземпляры.

Бабочки копошились, шуршали лапками, пытались взлетать. Казалось, в этом шебуршении слышится: – Выпуссссти нассс, выпусти нассс...

Как неудобно, когда в голове вместо умных мыслей о благоустройстве мира, или хотя бы о том, что повкуснее сварить на ужин и какую кофточку купить к лету, возятся насекомые! Ладно бы еще, тараканы. Сегодня тараканы в голове – почти что признак нестандартности, «изюминки». Но бабочки? Нарядные, изящные, с нежными крылышками... В темноте, запертые в костяном шаре...

Это случилось в первый раз в невесомой тишине вечера. Бабочка выбралась на волю и закружилась под зеленым колпаком настольной лампы. Мохнатая, неяркая, но такая жи-

вая и уютная. Пришлось срочно погасить лампу, открыть окно, чтобы выпустить ее в ночь, не дать опалить крылышки.

Они выползали и вылетали. Ранний рассвет позволил видеть, какие они. После первой, хоть и неброской, но целой и ладненькой, появились более яркие, крупные. Но все с изъянами. У одной помято крыло, у другой стерся рисунок, у третьей поломаны тоненькие усики. Некоторые, едва взлетев, падали с жалобным шорохом. Их становилось все больше и больше. Все меньше и меньше было среди них таких, которые смогли вылететь в распахнутое окно. Все больше и больше хрупких созданий падало на пол, и, пару раз трепыхнувшись, застывало пестрым мусором.

И наконец, последняя, бледная и слабая, кое-как уселась на стену, как будто не собираясь никуда улетать.

Будильник. Подъем. Завтрак... Ах, да, что-то в комнате слишком много пыли... Надо бы подмести...

Губки покрашенные

Что губки покрашенные разжала?

– Здравствуйте, – говоришь...

– Ну, здравствуй, коли не шутишь.

И пошла, такая вся из себя, даром, что мы однолетки. Губки в ниточку, шапочка из норки, шубка новехоньякая. В этом году, небось, прикупила. На работу спешит, а как же. А работа у нее, известное дело, бумажки в своей бухгалтерии перебирать. Сядет этакая к компьютеру, пальчики холеные на клавиатуру положит. А там чай-кофей, с подружками перекинется словцом, что да где купила. А то я не знаю, как они там работают. Я в этих учреждениях тоже наработалась. В машбюро. Сократили меня. Теперь вот мусорщица. Поутру выхожу, открываю дверь мусоросборника, и высыпаю в машину ящики. Зимой холод, летом вонь. Да мне не привыкать.

Спину что-то прихватило... Еще два дома обслужить, и в палатку к Нинке. Ну да, грязная я, одета кое-как, и водочкой не брезгаю. А ты, соседка, без меня бы в мусоре своем потонула, а? Здороваяешься... Вежливость оказываешь... А сама имени моего не помнишь. Ишь, ухоженная вся, ровно как в телевизоре. Тебе что, живешь одна, все для себя... А я всю жизнь на своих мужиков положила. Колька, муж, на стройке вкалывал... А потом работу потерял, этих,

черножопых наняли... А мужик мой выпивал, да... Да если не пьет, это ж разве мужик? Так, дрисня одна...

Тьфу, псина бродячая опять сюда трусит... На, вон кость, жри... Что зыркаешь? Я тя счас! Эх, псина... Мы с тобой...

Все... Последний подъезд... Теперь к Нинке. Нинка смотрит жалостно, но молчит. Ей ведь продать надо, а кому и что... А я приду домой, выпью... И плевать на соседку с ее шубкой... Вон, на обед идет, голову держит как принцесса... И для кого нарядная такая? Мужика-то нет у нее, и не было никогда... А мой Колька... По молодости так любил меня... как вспомню... до сих пор в жар бросает... Поколачивал по пьянке, не без этого... Эх... на кладбище бы съездить... Давно не была... Не дождался сыночка. Вася в Москве на рынке торговал, да что-то там случилось у него, драка, «тяжкие телесные повреждения», сказали... уже третий год в колонии...

Соседка... Сама одинокая, так все ей не так... Ничего не скажет, только губки сожмет в гузку курью, да я ведь вижу, как смотрит... Музыка громкую мой парнишка включал, в подъезде курил с компанией... А мне что делать, отцу покой нужен, не пускать же их в квартиру...

Ууу... холеная морда... Погоди... сдохнешь в одинокой постели, и вспомнить нечего будет... А я пойду, водочки куплю... Согреюсь... Буду думать, как сынок вернется...

Ледниковый период

Люблю порядок. Правильное положение двери – закрытое. Вечерами задерживаться в лаборатории надолго – удел разгильдяев. Если работать интенсивно, а не бла-бла-бла разводить, все успеешь за восьмичасовой рабочий день. И на столах нечего держать всякие финтифлюшки и колбы пустые.

Ну да, сегодня и я задержался. В «холодной» комнате прибор забарахлил. Надо же, в насосе трубка лопнула. Придется за новой идти.

Что это? Свет погас, и дверь не открывается... Тяжелая такая, деревянная, по старинке, с хорошей теплоизоляцией. Ну-ка, навались...

...Бля... кто-то снаружи меня запер. Нет, чтоб проверить комнату. Аспиранты, чтоб их, ньютоны...

– Люди!!!! Выпустите меняяаяя!!!!

Дааа... хрен докричишься. Все по домам разошлись. Мобильник в обычной комнате на столе остался. Что делать-то? Дочка обидится, губки надует:

– Папка, ты же обещал мне с сочинением помочь...

А Надя? Ох... Вчера, когда я с Илоной Васильевной разговаривал по телефону, так на меня смотрела... Прямо Горгона-Медуза. Конечно, Илона... фигурка... ммммм... не чета моей курочке. Но у нас с ней совместные исследования.

Эх, не надо было жену на летний пикник с собой брать... А теперь, ну точно Надька решит, что я... Мобильник ведь не отвечает.

...Сколько я уже тут? Красный глаз прибора издевается в темноте. Главное, ноги замерзли, а от этого... ну в общем рефлекс такой есть. Отлить ну просто необходимо.

Черт... Шарю по столам... Осторожно ощупываю и потряхиваю колбы. Есть! Нашел! Пустая, большая, литра на два, с широким горлышком... Одной проблемой меньше.

Теперь буду делать приседания, помнится, читал, как зэки в карцере спасались от холода. И раз-два-три, и раз-два-три...

Спина гудит... Но потеплело...

А еще наверняка на столе есть мешалка с подогревом. Сейчас поищу, включу, хоть руки согрею. Шарю по столу, раздаётся тонкий писк... Мышь! Сволочь, тяпнула за палец! Как они только пролезают сюда? Пептон, наверно, жрут.

...Больно... А вдруг у нее туляремия какая-нибудь... Черт с ней, с мешалкой. Буду прыгать и приседать, и думать не про Илону, а про статью... да именно про статью...

Проблема поиска новых антибиотиков является актуальной... Бред, сколько можно начинать с одних и тех же слов... Бреед... Кажется... кажется, там кто-то есть...

– Людииии!!!

Свет! На пороге испуганная аспирантка Анечка.

– Василий Васильевич! Я... мне только буфер для диализа

сменить...

– Все нормально... – едва шепчу я застывшими губами и выбегаю в тепло коридора.

Утром вооружаюсь отверткой и плоскогубцами и сдираю с треклятой двери солидный шпингалет еще советских времен. Умели ведь делать... Потом вынимаю из сумки пластмассовый стаканчик сметаны и подманиваю кота по кличке Микроб, которого давно уже прикормили наши любительницы животных:

– Кыс-кыс-кыс...

Он делает презрительную морду, дергает хвостом, но все-таки идет за мной. Открываю «холодную», ставлю сметану на пол. Говорят, одного запаха кота достаточно, чтоб мыши утихомирились. Проверим. Еще пептон надо убрать в стеклянную тару. Палец все еще саднит. В горле расцветает простуда, дочка, наверное, «тройку» принесет... А Надя... Путевку, что ли ей купить, куда-нибудь на теплое море...

Мэр

Сергей Михайлович работал инженером-программистом в пенсионном отделе. Хотя, каким еще программистом? Программы отлаживать, следить, чтоб вирусов не было, новые компы закупать. И какой Михайлович? Сережей коллеги звали, солидные дамы в основном. Хотя и сам он к своим тридцати пяти выглядел основательным: даже животик, несмотря на все усилия, образовался. Работа сидячая, что поделать. Но зарплата для маленького городка неплохая. Да и школьный товарищ, Генка Пеночкин, владелец самого большого гастронома на перекрестке проспекта Новаторов и Парковой улицы, частенько приглашал то 1с-бухгалтерию отладить, то новый компьютер собрать для сына, то еще что-нибудь по мелочи. И неплохо платил. Генка вообще не жлоб. Пару лет тому назад без проблем дал займы денег на поездку к морю. Так хотелось жене на годовщину свадьбы сделать подарок. А еще у него в баре можно было недурно посидеть в компании приятелей, потягивая неплохое пиво и не опасаясь нарваться на школоту в неадеквате. А что, неужели нельзя раз в неделю отдохнуть?

С Димоном и Петром можно обо всем поговорить. Сегодня речь зашла о грядущих выборах мэра. Досрочные выборы. Прежний ушел в отставку «по состоянию здоровья». Все знали, что проворовался, даже дело заведено было, но шло

ни шатко, ни валко. Подозреваемый без конца лечился, а тем временем прятал концы в воду.

– Кого выбирать будем, мужики? – спросил Сергей, – Никонова? Глупо. Он в области за УЖКХ отвечает, все что мог, разворовал. Боится, что посадят, хочет у нас отсидеться. Левченко? Да вы что! Он наш, когда-то, мало кто помнит, конную школу для детей придумал, сумел выхлопотать деньги на содержание, на тренеров, а сам всего год продержался, лошади чуть не попередохли, дети им из дому таскали, кто что сможет, а тренерами он жену и тещу определил. А последнее время в районном комитете спорта заправляет.

Отворилась тяжелая дверь, и ввалился сам. Генка любил иной раз в бар нагряться. Не то для «хозяйского глаза», не то просто так.

– О, Серега! О чем спич?

– Да мы насчет выборов. Кандидаты как на подбор – жулик на жулике. Стоило ли Александрова гнать, чтоб этих на шею посадить.

Генка расстегнул дорожное пальто и присел на свободный вертящийся стул.

– А что, мужики, а давайте... вот Серегу в мэры. Городок у нас невелик. Все друг друга знают. За него все бабульки проголосуют. Как-никак, в пенсионном отделе. У меня кое-какие рычаги есть.

– Ты что, Гена?! Может, ты снова попытаешься?

– Нет, меня опять не выберут. Буржуев народ не любит.

Нужен человек с образованием, но не болтун. Чтоб нигде не засвеченный. Серега, давай. Сколько можно терпеть ха-мов этих. Александров вообще в последнее время офонарел. Что ко мне в магазин, что к другим, придет и требует самое лучшее, хоть бы раз заплатил. Или начнет «на день города» пожертвования собирать, а из них неизвестно сколько к его лапкам потным прилипнет. Я, конечно, не обеднею, но противно же.

– За идею надо выпить, – провозгласил Димон. Сергей не воспринял происходящее всерьез. Под пиво можно хоть в президенты выдвинуться. Развеселился, стал предлагать пункты программы:

– Мы центральный Дата-центр сделаем! Все компьютерные фирмы будут у нас базы данных держать. Фирму «Флора» создадим, элитные саженцы поставлять. Агроколледж! Новые рабочие места!

– Молодец! – одобрил Геннадий, – Но про социалку не забудь. Придумай подарки ветеранам какие-нибудь. Сиротам. Многодетным. Инвалидов надо уважить.

«Классно посидели» – ухмылялся про себя Сергей, возвращаясь домой.

Но посиделками дело не закончилось. В понедельник Генка позвонил и велел прибыть к нему в кабинет сразу после работы. Программист не удивился. «Наверное, опять у него система слетела», – решил он и даже все программы для переустановки с собой захватил.

Но оказалось, что предприниматель всерьез надумал двигать школьного товарища на пост. И все завертелось. Собрания. Встречи с избирателями. Предвыборные листовки-календарики. Публикации в газете. Статью о том, как улучшить городское хозяйство, Сергей делал вместе с женой. Все-таки она за сочинения в школе всегда пятерки получала.

И все это время он чувствовал себя как на каком-то карнавале. Будто все это происходит не с ним. Будто роль в самодеятельной пьесе. Соперники играли на поле своей административной опытности, повторяли, что они – государственные мужи, знают что и как, сумеют деньги для дотационного городка добыть, а какой-то программист, ничего не понимающий в теплотрассах и борьбе с гололедицей, городу не нужен.

Но новоявленный политик победил с неплохим отрывом. Торжественное вступление в должность решил совместить с праздником города, устроенном по экономному сценарию, без приглашения залетных звездулечек, силами местных самодеятельных коллективов. Получив красную ленту и букет из рук заместителя, доставшегося в наследство от старого мэра, поздравив горожан в короткой речи, Сергей убрался за кулисы и с ужасом ожидал банкета «для своих», устраиваемого на деньги Генки.

– Не надо, Ген, – пытался он за пару дней до праздника уговорить приятеля.

– Надо. И с нужными людьми познакомлю. И они увидят,

что ты не с Луны свалился, а человек умный, ломать ничего не станешь.

Ничего. Выдержал банкет. Не надрался, не наговорил лишнего. Все чин чинарем.

А наследство досталось тяжелое. Не успел оглянуться, как за вывоз мусора пришел многомиллионный счет. Оказывается, прежний руководитель просто не платил. И пошло-поехало. То обрыв линии горячего водоснабжения. То авария на канализации. Детский садик торжественно открыли, отчитались перед областью, а детишек принимать нельзя: на прачечную и электроплиты денег не хватило. Долг за газ, нехватка труб, дороги во дворах разбиты так, что и летом спотыкаешься. Начальник УЖКХ только посмеивается:

– Как работали, так и будем. Подумаешь, новые правила. Да в нашей дыре никто в конкуренты не пойдет.

Письмо поступило от группы горожан: «На территории школьного сада продолжается строительство стоматологического центра. Отчуждение территории проведено незаконно. Просим принять меры.»

И тут же Геннадий позвонил: «Стоматологов не трогай. Хорошие ребята. Сам у них имплант делал. Расширяться им надо. Из других городов будут приезжать, потому что дешевле. И не забудь, землю обещал выделить под мое малое предприятие по производству упаковки. А я тебе нового начальника УЖКХ нашел. Приезжий, никто его у нас не знает, но классный парень, афганец бывший.»

И что делать? Отказать? Но школьный садовый участок давно заброшен, там только хулиганье кучкуется. Землю и впрямь надо выделить, для маленького городка и двадцать рабочих мест значение имеют. А старого начальника давно бы прогнать, и многих других неплохо бы. Присосались. Но где взять других?

Кандидат на должность оказался представительным мужчиной, орденские планки на пиджаке. Рассуждал о будущих ремонтных работах, об экономии так солидно, дельно, что Сергей перестал сомневаться, благо попросить старого лиса уйти по собственному оказалось нетрудно, достаточно было пояснить, что знаешь о его делишках. А узнал о них запросто, одна их бухгалтерш – сестра соседки, к которой жена частенько захаживала поболтать. Какие-то старые обиды, и компромат у Сергея в компьютере.

Новый начальник коммунальной службы мэру понравился. Серьезный, чувствуется, что способен на строгость. Кажется, можно ждать, что он команду обновит, дело улучшит. И вправду, начал эксперимент, уволил дворников, да к началу зимы нанял бригаду гастарбайтеров. День неплохо убрали, неделю продержались, а потом снегопад, у них старый минитрактор сломался. Что тут было! Снег не расчищают, жители кое-как тропинки протаптывают, мэра клянут на чем свет. Хорошо еще, что эту бригаду на испытательный срок взяли, без контракта, с оплатой по факту, да и старики-дворники никуда не разбежались. Наняли их обратно,

они худо-бедно лопатой шварк да шварк.

23 февраля. В клубе «Боевое братство» праздник. Надо бы пойти, поздравить. Серега и пришел. УЖКХшник тоже, вся грудь в орденах. Мужикам не понравилось. Не гоже так, дружеская встреча, не официоз. Но сидят, разговаривают. И тут один из них присмотрелся к новичку, да и говорит при всех:

– Хорошо ты сказал про долг, про Родину. А скажи, отчего ты мне батареи отказался менять? И втридорога частным порядком предлагал поставить?

– Да не знал я, что ты воин-интернационалист, – попытался оправдаться начальник.

– А ты думаешь, я своими орденами везде трясти должен? А если я просто человек божий, обшитый кожей? Плачу за услуги честно. А, что с вами говорить! Чинуши все одинаковы, – махнул рукой бывший воин и пошел прочь из-за стола.

А потом из «Боевого братства» обратились куда следует и получили ответ, что такой-то ни в Афганистане не воевал, ни среди награжденных не значится. Самозванец.

Пришлось Сергею выгонять «новое приобретение» из-за «утраты доверия», да еще вскрылось, что поддельный вояка уже успел кое-какие денежки присвоить. Заместителя прежнего начальника на должность поставил. И вся старая команда осталась. А что делать? Надо же хоть как-то воз вести. Там авария, здесь – срочный ремонт требуется, назавтра ока-

зывается, что за газ задолжали, надо в область ехать, в долг просить, только успевай поворачиваться. В больнице крыша прохудилась, вокруг школ для безопасности требуют забор установить, детский сад, наконец, по-настоящему открыли, не успели поработать, как началась эпидемия менингита. Комиссию прислали аж из самой Москвы.

Деньги удалось чудом выбить на ремонт внутригородских дорог. Подрядчика не найти на такое кропотливое дело. Голова кругом. Какой уж тут дата-центр. Лето прошло. Осень настала. Дожди. И тут-то деньги на ремонт асфальта во дворах, наконец, перечислили.

Начались работы. Конечно, таджики, кто еще за такие деньги делать найдется. Кое-как кладут. Прогнать? Других взять? Средства не освоишь, на другой год не выделят.

Дождь хлестал изо всех сил. Сергей вылез из машины, дальше можно было только пешком пробраться по газону. Тощий гастарбайтер неторопливо разносил лопатой остывающую массу. Навстречу Сергею осторожно, стараясь не поскользнуться на мокрой вылинявшей траве, шла женщина под черным зонтом.

– Сереженька! – воскликнула она, поравнявшись с ним. Учительница английского. Сухонькая, лицо в морщинах. Когда-то он восхищался ее эрудицией и элегантностью.

– Инна Николаевна, здравствуйте!

– Сережа! Да что же это делается, а? Зачем в непогоду этот

асфальт! Да посмотри же, бюрдюры уже не держатся. Вчера вечером зацепилась в темноте, чуть не упала. Да куда же ты смотришь? Как же это? Народные деньги дождем смывает, будто так и надо!

– Инна Николаевна! Не волнуйтесь так, завтра синоптики погоду обещали. Надо же средства освоить. Мы же стараемся, новые детские площадки вот закупили. Кое-где в подъездах ремонт.

– Все стараются. Старый мэр тоже старался, говорят... Как дела-то у тебя? Как Леночка?

– Простите, Инна Николаевна, спешу.

Она только кивнула в ответ. И пошла дальше, осторожно ступая между луж. Сергей постоял немного, и, передумав идти в магазин, вернулся к автомобилю.

Трехцветка

(в стиле японского квайдана)

В тишине лаборатории тихо жужжит морозильник, да слышится легкое царапанье по стеклу. Это гордая криптометрия касается ветвями стекла под порывами ветра.

По углам прячутся тени, невнятные шорохи доносятся из коридора, но Мидори привыкла оставаться на работе одна. Эксперименты поглощают и вечера, и выходные. Если сегодня все пойдет хорошо, послезавтра будет ясно, каков результат трехмесячного труда, позволила ли новая генетическая конструкция подтвердить гипотезу профессора Такешимы.

Пока идет опыт, Мидори нужно ждать. От предвкушения никак не удастся сосредоточиться. Она сидит перед монитором, перелистывая странички. Так хочется, чтобы получилось. Хорошо, что ушли Нарико и Минако. Им наука не слишком интересна. Дипломы сделать и ладно. Нарико собирается замуж, а ее подружка будет работать в парфюмерном магазинчике отца. Девчонки только и знают, что обсуждать мангу или сплетничать.

Она как-то услышала, как Нарико шепнула подружке:
– А наша гордячка влюблена в профессора.

Ничего подобного. Мидори не влюблена. Просто... Серд-

це трепещет, как пойманный воробушек, когда она докладывает сенсею о новых результатах. И ждет. Ждет не похвалы, профессор скуп на нее, а того, как поднимется лохматая бровь, и загорятся радостным блеском внимательные карие глаза. Мидори аккуратна, у нее ловкие руки, она обязательно получит докторскую степень. Еще бы, с таким учителем. И он еще будет гордиться своей ученицей. Только бы получилось...

Шорох в коридоре слышится все отчетливее. Это Окаю, трехцветная кошка, красивая, как на старинных рисунках. Глаза желтые, на белой шкурке рыжие и черные пятна, смотрит так, будто она здесь главная. Профессор сам приносит ей корм, наполняет поилку. Всезнайки Нарико и Минако говорят, что у жены сенсея аллергия, вот он и держит кошку в лаборатории... А еще смеются:

– Окаю ревнива... Ни с кем не хочет делить хозяина.

Вчера Мидори собралась перекусить, только открыла коробку с бэнто, а трехцветная тут как тут. Прошмыгнула нарочно близко-близко, чуть не зацепив хвостом. Мидори даже уронила рисовый колобок, а кошка понюхала презрительно и пошла прочь. Трое котят недавно у нее появились. Откуда бы? Может, Окаю на улицу выбирается? Дымчатые, будто отгоревшие угли... Должно быть, она в коридорной нише возле труб их прятала. Утром Мидори пришла на работу первой, а в боксе возятся три котенка, белые халаты на полу клубком, коробку с пластиковыми пробирками уронили.

Беспорядок, вонь. Мидори закричала на них, они нырнули за шкаф, только их и видели. Профессор только посмеялся:

– Они маленькие, а за шкафом отверстие для водопроводных труб, так и пролезли. Заделай дырку.

Пришлось повозиться, принесли молока, с трудом выма-нили котят из ниши в коридор, заткнули дыру упаковочной пленкой. Благо их мамаша где-то бродила, не мешала. Что делать, право?

Сидит Мидори перед монитором. И представляется ей профессор в своем кабинете. Грациозно походит к нему Окаю, мурлыкает ласково-ласково. И уже не кошка, а красавица в старинном косодэ цвета палых листьев с ним рядом. Поднимает тонкие руки, шпильки вынимает из сложной прически, волосы черной волной падают на плечи... А у Мидори короткая стрижка и простая юбка в европейском стиле...

Девушка вздрогнула... Надо же, чего только не вообра-зишь одиноким вечером в лаборатории... Лучше почитать что-нибудь. Отвлечься. В сети всего много.

Страничка мелькает за страничкой. Новости, музыка... а вот квайдан старинный:

«Сирота и ее трехцветная кошка»

«В одном селении осталась сиротой дочь местного богача. И надо же было тому случиться, что за какие-то прегреше-ния сослали в эту удаленную местность молодого вельможу. Сперва он грустил о своей участи, вздыхал, глядя на суро-

вые скалы и кривые сосны. Но бывает так, что скромная прелесть вьюнка у колодца больше тронет сердце, чем пышные хризантемы. Как-то случилось ему увидеть мельком юную сироту. А она была тонка как ива, личико белое, как старинная фарфоровая чашка, и голосок печальный и нежный, как песня кукушки. Конечно, не ей, воспитанной в глуши, состязаться в изяществе с красавицами столицы, но... Молодой придворный стал посещать ее. И всякий раз, когда рукава их в изголовье обменивались ароматом, ложилась возле жаровни трехцветная кошка, усердно облизывая лапки, будто бы ей до влюбленных нет никакого дела. А ночью нет-нет, да и подходила к ложу, и глаза ее зеленые горели в темноте. Поначалу это забавляло гостя. Но когда простушка наскучила ему, принялся повторять:

– Кошка эта, должно быть, нэкомата, оборотень. Может, это твой прежний возлюбленный? Как ревниво на нас смотрит! Прогони ее, пока беды не вышло.

Жаль было девушке кошку. Но чего не сделаешь, чтобы вернуть благосклонность любимого? Шуганула ее метелкой, да так, что та лишь зашипела сердито и выбежала прочь.

Скоротечна любовь, как цветение сливы. Как ни старалась девушка выполнить все прихоти возлюбленного, он к ней охладел, стал все чаще подсмеиваться над ней, над ее не слишком изысканными стихотворениями, и посещал ее все реже. Часто девушка тосковала вечерами, а кошка не спешила разделить ее одиночество, сидела поодаль и, казалось,

вот-вот промурлычет: пусть судьба карает тебя за прегрешение, а я тут ни при чем.

Вскоре отец выхлопотал молодому вельможе прощение и дозволение вернуться ко двору. Хотел он уехать, не простившись, но сирота, откуда-то прознав об этом, прислала ветку сосны и письмо:

Высохший стебель
Вьюнка шуршит под ветром,
Черная вода
В глубине колодца,
Снег на зелени сосен.

Смутившись, решил он посетить девушку на прощанье и даже пообещать, что пришлет за ней...

Соединили они рукава в последний раз. Утром, по хрупкому первому снегу ушел он, не оборачиваясь, но когда проходил под воротами, прыгнула сверху кошка и вцепилась ему в глаза. Сколько ни обращался бедняга к лекарям, сколько ни жертвовал в храмы, ничего не помогло. Ослеп он, а девушка утопилась в пруду с горя. Что же до кошки, с тех пор никто ее не видел. Только на проезжей дороге появился постоялый двор, где ласково улыбалась гостям молодая хозяйка. Среди черных густых волос рыжая прядь, как огонек кленового листа.»

– Ззыньзь – звонок таймера вырвал Мидори из мира грез. Пора идти в другую комнату, вынуть тоненькую мембрану из реакционного сосуда и принести ее сюда для продолжения обработки. Это нетрудно.

В коридоре люминесцентная лампа под потолком жалобно пискнула и погасла. Из стеной ниши выскочило темное... быстрое, прямо под ноги... Пластиковая ванночка вырвалась из рук, белый квадратик мембраны упал на пол под кошачьи когти.

– Отдай, Окаю, отдай! – взвизгнула Мидори. Но куда там. Словно мышку уцепила трехцветка тоненький листочек и скрылась в нише.

Утром аспирантку нашла в коридоре уборщица. Девушка сидела на полу, уткнувшись лицом в колени, на лице потеки от слез. Вызванный врач развел руками:

– Синдром Кароши, нужен продолжительный отдых.

И никто не обратил внимания на то, что профессорская кошка ухмыляется как-то по-особому хитро.

Короткое лето Аринды

Калитка пряталась в зелени живой изгороди, плотной стеной окружившей простой деревянный забор. Она не скрипнула, когда рослый человек уверенно потянул за ручку. Лицо его, дотоле невозмутимое, озарилось смущенной улыбкой:

– Пойдем, Ксай. Для меня здесь никогда не заперто. Сенсорный код.

Пахло мятой и медом. Тот, кого назвали Ксаем, осторожно ступал по узенькой дорожке меж цветников, как говорится, след в след за своим господином. Чувствовалось, что он привык сдерживать свое любопытство и не задавать вопросов.

А вокруг под жарким летним солнцем разлегся сад, словно роскошная женщина, ожидающая возлюбленного. Гранатовые серьги вишен тянули вниз тонкие ветки, мелким жемчугом белели мелкие цветочки в рабатках, последние клубничины соблазнительно улыбались из-под листьев. Под яблонями за столом, накрытом белой скатертью, возле самовара красовались глиняная плошка с золотистым медом, банка вишневого варенья и несколько изящных чашечек.

– Садись, подождем. Здесь не к чему спешить. Она сейчас выйдет. Всегда чувствует, когда я прихожу.

Пчела приземлилась на край плошки.

– Ишь, ленивица, хочет угоститься даром, – усмехнулся

тот, который вел себя здесь по-хозяйски, – ладно, стратегические запасы меда не пострадают.

По тропинке от дома, скрытого в глубине сада шла женщина. Простое белое платье светлая коса через плечо. От ее облика веяло почти детской чистотой и покоем. Тем же самым покоем, которым был наполнен сад. Ксай смотрел на женщину, не решаясь обернуться к своему господину.

– Аринда, милая! – поднялся тот навстречу. Она подошла несмело и остановилась в паре шагов.

– Это Ксай, мой молодой друг и помощник. Не волнуйся так, он добрый и простой человек. Давно хотел вас познакомиться. Не смущайся, лучше завари чайку. Моего любимого, с мятой.

– Сейчас, сейчас... – Легкая морщинка на секунду легла на ясный лоб, и тут же исчезла.

– Хороша, а? – полуутвердительно спросил старший из гостей, когда женщина скрылась среди зелени.

– Хороша. – Молодой человек ответил, будто эхо, но про себя изумился:

«Только взгляд у нее какой-то... слишком ясный, что ли. И ведь ей не шестнадцать. И жизнь ведет простую, Как же это может быть?»

Аринда между тем вернулась. Принесла чайничек, заварила чай. Аромат мяты смешался с запахом меда, поспевающих ранних яблок.

Пили чай. Молчали. Наконец, женщина вздохнула, будто

собираясь поднять тяжелую корзину, и спросила:

– Скажи, господин мой, ты останешься со мной сегодня?

– Нет, сегодня не могу. Дела. Но завтра приду к тебе без гостей, и мы проведем вместе несколько дней. Лето, ты же знаешь.

– Да... лето... Лето лучший подарок богов. Когда роса вспыхивает на травах лунными брызгами, а последняя песня соловья ложится на сердце парчовым покрывалом, когда золотые кудри лилий горят живым пламенем... я жду тебя, и лето меня ни разу не обмануло. Но отчего я плохо помню весну? Кажется, я давным-давно не видела, как острые иглы травы прокалывают полотно земли, как сад одевается в белый наряд невесты... Как хлопочут под крышей ловкие ласточки в белых фартучках. А осень? Ее жаркий наряд и холодное лицо, ее пряное яблочное дыхание и холодные слезы... И зима... В детстве я смотрела на морозные узоры на окне и думала: если бы попасть в этот морозный сад... А может быть... – В волнении женщина закусила губу, провела рукой по волосам. Лицо ее, встревоженное какой-то мыслью, стало на миг несчастливым, и в пышных волосах под рукой мелькнула серебряная нить.

– Что ты, милая! Ничего страшного не может быть. Все хорошо. Ты любишь меня. И встречаемся мы летом. Так устроила судьба. Потому лето для тебя главное время года. Не волнуйся, Лучше расскажи еще что-нибудь.

– Вчера приходила ежиха и два ежонка. Такие смешные.

У них колючки еще мягонькие. Вот соберусь, новая вышивка будет, с ежами и яблоками. Как жаль, что нельзя сделать так, чтобы тот, кто смотрит на мои вышивки, чувствовал запахи лета...

Женщина замолчала, принялась хлопотать, подливать гостям чай, немножко суетливо, видно от волнения. Казалось, что она силится вспомнить что-то, но это ей никак не удается.

– Прекрасный мед у тебя, Аринда. Спасибо за чай. Мы с Ксаем пойдем, пожалуй, а ты не волнуйся, отдохни и жди меня завтра. Не провожай нас до ворот.

Двое мужчин шли к стоявшему невдалеке гравилету. Младший напряженно молчал, старший рассеяно улыбнулся:

– Ксай, ты удивлен, конечно. Да, она не похожа на придворных дам. Она давно выбита из этого мира. Меня почти убили у нее на глазах, знаешь ли. Много лет тому назад. Террористы. Молокососы. Им забыли сообщить, каковы возможности императорских медиков. Они полагали, что убив наследника престола, смогут остановить создание Всепланетной империи... Империя – есть. А она утратила рассудок в тот день.

Что я мог для нее сделать? Она так и осталась в своем домике и саду. Соседи – андроиды. Весну, осень и зиму проводит в анабиозе. В конце концов, император может себе это позволить.

– Ваше величество... Но...

– Ксай, опять ты со своим величеством. Мы не во дворце.

Так что ты хотел сказать?

– Мой господин... а не жестоко ли...

– Жестоко? Ты не спрашиваешь, жестоко ли было снести с лица земли город зангов, не желавших войти в Империю... Не спрашиваешь, жестоко ли держать в тюрьме всех, ратующих за восстановление отдельных независимых государств... Ты не спрашиваешь... Потому что знаешь: иначе не было бы Империи. И войны длились бы, как века до этого. Жестоко... А что не жестоко? Отдать ее в руки врачей? Предоставить собственной участи? А я? Куда мне возвращаться после дел, которые не оставляют чистыми ни совесть, ни руки? А сюда я возвращаюсь. Как в юность. Здесь не хотят от меня ничего, кроме меня самого. Мир для нее остановился. Она знает, что где-то там, за пределами ее сада, я служу отечеству, но не спрашивает, не требует, не советует, не...

– Кажется, я понимаю, – побелевшими губами прошептал Ксай. – Но это страшно. Скажи мне только одно, господин мой. Зачем ты взял меня с собой? Неужели затем, что не мог больше один хранить свою тайну?

– И это тоже. Но не только. Как знать, вдруг завтра меня не станет. Не хотел бы обременять ни наследника, ни императрицу этой заботой. Ты видел ее, видел нас. Если будет нужно, ты найдешь способ прервать нить ее жизни.

Гравилет взял курс на столицу. Император выглядел так,

будто сбросил с плеч не слишком тяжелый, но беспокоящий груз. А его молодой спутник прилагал немалые усилия, чтобы сохранить на лице отсвет радости летнего покоя и отдыха.

Не плачь, сестренка

Семья наша хоть и простая, но порядочная. У каждого свое место. Мать, как положено, добрая, строгая. Даже братья старшие, отрезанные ломти, видимся редко, и то без нее никуда. Средние – солидные, толстопузые, у каждого по своему выводу, а матушкино влияние никуда не денешь. Про остальных и говорить нечего. Младшенький, быстрый, горячий, материна радость и утешение, возле юбки ее вертится. Сестра – красавица. В покрывале белом, ни складочки, ни изъяна, пройдет, улыбнется ласково – любо-дорого поглядеть. Я похолоднее буду, но мать уважаю, на жизнь серьезно смотрю, дурь всякая не про меня.

И эта... Позорище... Другие давно на нее рукой махнули, не разговаривают даже. А я нет-нет, да и словцом перекинусь. Сестра все-таки. Все надеюсь помочь, наставить на путь истинный. Да видно, зря. И не дура, вроде, да все не так у нее, как следует. Платья меняет, чаще некуда, вуаль то одна, то другая. Чужаков привечает, а они – то пощечин надают, то одежду изорвут, должно быть, еще и заразили чем. Поплачет, да опять за свое. Утешаю, не плачь, мол, сестренка.

Эх, непутевая... И подружка ее... Большая слишком, тоже не наша. Ну, да, у меня тоже два мелюзгатора не местные, приблудились. Но я их в строгости держу. А сестрицы-

но прыщавое приобретение влияние имеет. Вместе устроят пляску, аж пузо, водой налитое, колыхается. Смотреть противно. Конечно, болеет с детства, водянка у нее. Но нельзя ж себя до такого допускать. Знает ведь, что больна. Жаловалась недавно:

– Братец, миленький, хоть бы что присоветовал... Сил моих нет. Под кожей ровно кто-то ковыряется, наросты разноцветные по телу, дышу еле-еле, мушки черные вокруг выются.

Говорю:

– Мне ли тебя учить? Ты же с детства болеешь. Да ведь как-то справляешься. Помнишь, до корчей дело дошло? А объявился чужак, вмазал тебе как следует, с ободранным боком ходила, но паразиты передохли, на время хоть.

– Ах, братец, да ведь гостя по заказу не зазвать.

– Давай сама, почешись, пошевелись!

Может, и помог бы. Но далековато живу. А сестренка все больше чудит, аж жутко делается, на нее гляючи. На днях побрякушку в подарок прислала, и не пойму, для чего. Ползет по мне, щекочет, электромагнитные волны от нее незнакомые.

Сигналю сестрице:

– Зачем прислала? Мне твоих модных штучек не надо!

А в ответ:

– Это не я, это они...

– Какие такие они?

– Эти... паразиты... И мушки черные от них, и фон электромагнитный повышенный...

– Да гони их, жарой, ли холодом...

– Пробую... изо всех сил...

Голосок слабый. Не доведет до добра ни водянка, ни с чу- жаками дружба.

А вчера... До сих пор в себя не приду... Объявился такой, резвый. И прямо к сестрице. Ну, думаю, клин клином. Помнет, так хоть на время шуганет этих. Так нет же, вуаль ее колыхнулась, что-то как вырвется, и пришельца в корявый бок! Раздолбало напрочь. Только ошметки полетели.

– Сестра! Как ты это сделала? Это ж... это ж на величайшее изобретение тянет!

А она словно из обморока, еле-еле:

– Это не я, это они...

Они... опять они. Что это за они такие? А время идет. Мать стареет. Скоро умирать ей. Растолстела. Братца младшего... Подумать страшно, что с ним сделала. Сестрицыно покрывало огнем пришкварила. Я каждый день думаю думаю, как быть. Неужели она нас всех с собой на тот свет потащит? А эта, шалава, хоть бы хны. И вдруг:

– Прощайте, братья и сестры...

– Куда?! Мать при смерти!

– Не знаю... Это не я.. Это они. Они придумали гипердвигатель!

Патиссоны

Я привык думать, что гости из глубин космоса – что-то вроде эльфов-вампиров и прочих волшебных народцев для развлечения публики.

Но они прилетели, и корабль оказался именно таким, как на фантастических картинках, серебристым, похожим на патиссон. А инопланетяне – в самом деле зелеными. Если сделать черно-белый снимок, похожи на нас, только в чертах что-то чужое, не сразу даже и сообразишь, что. Глаза слишком большие, а рот и нос крошечные. Но, главное, зеленые же. И кожа, и пышные волосы. Они еще с орбиты связались с правительствами самых влиятельных государств, с международными организациями. Сели на нашем космодроме, и мир узнал о них в ежевечерних выпусках новостей. Все выглядело как официальный дружественный визит, не хватало только вручения верительных грамот. Через некоторое время состоялось заседание ООН, посвященное встрече с «братьями из космоса», оно транслировалось в прямом эфире на всю планету. Докладчик, высокий, с пышными волосами ниже плеч, демонстрировал на экране пейзажи планеты Рут. Ничего особенного. Солнце как солнце, горы как горы. Города-соты. Он использовал речевой синтезатор, вроде того, который был в прошлом веке у знаменитого ученого-инвалида. Немножко занудная лек-

ция, много общих слов о прогрессе, взаимопонимании, благе разумных. Ничего особенного, все политики так говорят. Примерно с месяц новостные сайты и телевидение еще интересовались пришельцами, а потом вперед вышли обычные светские и уголовные новости, биржевые сводки и экономические проблемы.

Похоже, интерес остался только у ученых. И у меня. Черт его знает, почему. Наверное, потому, что работаю инженером в охране космодрома. Тарелку их каждый день могу на мониторе лицезреть. И профессия предполагает некоторую настороженность. Мало ли что... В прошлом году один псих журналистом прикинулся, а сам из этих глюкнутых экологов. Хотел пробраться на территорию и устроить «бессрочную акцию протеста». А в позапрошлом году удалось захватить настоящего шпиона сопредельной державы.

А тут чужие. Совсем чужие. Строить ничего не стали, хоть им территорию отвели, так и живут в своем «патиссончике». И каждый день в хорошую погоду устраиваются на лужайке на ярких матрасах, голые, как есть голые. Волосы зеленые распустят и лежат. Откуда знаю? А я, как ненормальный, всю сеть прошарил и каждую мелочь про них разыскал. Хотелось узнать, как живут, чем питаются, как размножаются. И, главное, какого хрена им тут понадобилось. Не особенно они раскрываются. Запомнилось:

«Планетная система есть у каждой звезды. Но на семьсот систем едва найдется две планеты, где есть жизнь. А на пять-

сот планет, где жизнь зародилась, мы нашли только одну, где живут разумные. И это ваша.»

Даа, что-то такое я и подозревал, ну, что мало их, обитаемых миров. У нас тоже внеземные телескопы планеты открывают. И даже находят там как-то воду и кислород. В новостях часто про это пишут. Смешно же думать, что наша Земля прям такая одна-одинешенька во всей галактике. Конечно, нам туда пока не добраться. А эти, рутяне, добрались-таки к нам.

И зачем, спрашивается? Гордый путь познания? Про гордый путь я в фантастическом романе прочитал. Они забавные, романы. Все больше про битвы межзвездные. Матчасть там смешная, но бывают сюжеты увлекательные.

И все-таки, непонятно, зачем. Завоевать нас? Фигня, их всего шесть штук. И, похоже, массовый прилет нам не грозит. Недешевое это дело, даже для таких высокоразвитых.

В интервью рутяне сказали:

«Когда разумные настолько могущественны, что не нуждаются в битвах за каждый час жизни, становится важным отыскать братьев.» Смешная фраза. Взять хоть нашу историю. Войны, революции, бедствия, а дружба и любовь были, есть и будут.

В общем, не понял я ничего про их цели и задачи. Врут, ясно. Еще бы не врать. Но кое в чем все-таки разобрался: они не зря зеленые. И волосы русалочки, толстые как проволока, не просто так. У них, оказывается, фотосинтез. Ну да, как

у наших растений. Не нужно еды, почти совсем. Только минералы некоторые, витамины. Вот и ротики такие крошечные. Черт возьми, а в этом что-то есть. Это ж насколько проще межпланетные перелеты совершать, и анабиоза не надо, если только продолжительность жизни большая.

Я Наташке иногда рассказывал про свои изыскания, а она только посмеивалась:

– Смотри, не влюбись в зеленую. Я тебе тогда...

– Что ты мне тогда? – ухмылялся я в ответ и принимался ее щекотать. И разговор про чужих завершился к обоюдному удовольствию. Вот еще, с любимой девушкой про судьбы мира спорить, когда можно заняться куда более приятными вещами.

И вдруг, как дождевики после дождя, стали появляться виртуальные грин-клубы. Вегетарианство, мода на зеленый цвет. «Разумный не должен убивать живое». «Прямое питание – дорога к долголетию, счастью и процветанию». «Решение проблемы рака – в наших руках». «Знаете ли вы, что корова вносит в загрязнение окружающей среды больший вклад, чем электромобиль.» «Направленный фотосинтез – будущее человечества».

Я, конечно, догадался, кто начал эту кампанию. Но как-то не особенно впечатлился. Вегетарианцы и раньше встречались, и ничего, люди как люди. Кто-то не пьет, кто-то мяса не ест, подумаешь.

Но вчера моя девушка вернулась из отпуска. Я смотрел

и не мог понять, что в ней изменилось. Волосы перекрасила? Контактные линзы? Казалось, даже кожа стала чуть зеленоватой. Но такой, новой и загадочной, она мне даже больше нравилась.

– Наташенька, – жарко зашептал я ей в ушко, – я так соскучился.

И потянулся к пуговкам на блузке.

– Мааакс, подожди, – капризно протянула она.

– Кокетка!

Ласково усмехнувшись, я продолжил освобождать ее от одежды, покрывая поцелуями лицо, плечи и грудь. Она не противилась, но и не помогала. А я так хотел ее, что это было неважно.

Только позже, когда мы тихонько лежали рядом, задумался.

«Что это с ней? Заторможенная какая-то. Что-то случилось во время отпуска? А ведь такая горячая девчонка! Спросить? Не спросить?»

Пока я раздумывал, она заговорила сама:

– А знаешь, я теперь состою в грин-клубе. Мы не едим мяса, а наставник говорит, что еще год, и мы сможем стать такими, как рутяне. Для этого надо только пройти полный курс инъекций. И тогда я буду молодой лет сто, без всяких там пластических операций. И питаться Солнцем!

Я просто оторопел. Даже не нашелся, что сказать.

– Не бойся, не буду совсем уж зеленой. Только немного.

Ведь тебе понравился новый цвет моих глаз?

– Я и не боюсь. Только как —то это все... непривычно, что ли.

– Ну и что? Подумаешь, это вроде прививки. Когда-то оспу прививать боялись, говорили, что это от дьявола.

Дааа... Наташка медсестра, много чего по медицине знает. И не боится. Но все-таки как-то мне не по себе.

И потом, раньше она была такая горячая девчонка, а теперь стала в постели словно сонная муха. И котлеты для меня перестала жарить.

А вчера... заметил у себя на предплечье... зеленое пятно. Неровное такое. И тут до меня дошло. Это же экспансия. Самая настоящая. Моя девушка не хочет меня, зеленеет не по дням, а по часам, мяса не ест.

Пошел с горя поужинать в любимый трактир «Елки-палки», там офигенное жаркое делают. Съел кусочек и чувствую: не лезет больше. Значит, заразился от нее. И теперь тоже стану зелененьким, патиссончиком-кабачком таким. Добрым, медлительным, ешь-не хочу.

Надо же, прилетели. Братья по разуму! Лишили и секса, и бифштекса. А что будет завтра?

Дома раскалил монету на плите и, удерживая плоскогубцами, приложил к пятну. Черт, и как в древние века выдерживали пытки? Едва прикоснулся, как от боли инструмент уронил, хорошо, не на ногу. Ожог второй степени. Зато, может быть, не ползет дальше зелень проклятая.

А теперь надо думать, что делать. Кто виноват, и так ясно.

Первые желтые листья кружат над землей. Я смотрю в оптический прицел на лужайку перед инопланетным кораблем. Два месяца тренировки, все сбережения ухлопаны на оружие. Качественное, с глушителем.

Шестеро лежат на солнышке далеко друг от друга. Я смогу, не промахнусь, успею!

Две сказки пещерных времен

Круги на воде

Солнце зацепилось рыжим пузом за дальние деревья, да так и повисло. В озере оглушительно заорали лягушки. Бесполезные твари, брюхо большое, а лапки, где мясо сочное, – махонькие. Ну их. Зато в прибрежном иле есть вкусные корневища. Легко достать. А если постоять в воде подольше, к ногам присосутся толстенькие черные пиявки. Тоже съедобные, но потом кровь течет и больно. Ча выдрал толстое корневище, ободрал, и разлегся на песчаной проплешине. Хорошо. Безопасно. Пусть охотятся другие, для него всегда найдется еда. Лениво нащупал маленький камушек, покатал в пальцах, швырнул в воду. Бульк! Круги с легким шипением побежали и угасли у берегов. Красота!

Аргл убил олененка и волок в стойбище.

– Бульк!

Остановился, прислушался. Что такое?

– Бульк!

Выглянул осторожно из-за кустов: тощий Ча бросил камень в воду. Круги побежали. Зачем? Спросить? Нет... нельзя спрашивать. Неспособный добыть мясо – под рукой духов, мало ли что.

Аргл силен, умеет охотиться. Но плохо умеет думать. Умел бы лучше – давно стал вождем.

Старый – другое дело. Сила его ушла, но не хитрость. Травы знает: пожует, и живот не болит. Умеет лечить раны. Надо у него спросить.

Еще не стемнело. Ча стоял у берега, бросал камни прямо в багровую полосу от заката и смотрел на круги.

Старый смерил взглядом костлявую фигурку, похожую на громадного палочника, потом своего спутника, кряжистого и мускулистого, и изрек:

– Малое идет вглубь. Большое – вширь. Ты понял, Аргл?

Молодой охотник ничего не понял, но согласно кивнул. Тратить слова – не дело для мужчины. Всю ночь проворочался на камышовой подстилке в травяной хижине.

«Старый вождь слабеет. Сила его мала, пора ему вглубь. Я стану вождем. Нгава, бедра – моховые кочки, достанется мне. А потом мы пойдем вширь. Как круги по воде! Убьем зигов, возьмем их женщин, свиней, топоры, дротики и шкуры.»

На закате, проверив, что Ча снова у озерца, Аргл зашел к вождю в хижину.

– Пойдем, вождь! Ты должен это видеть! Ча говорит с духами воды.

– Ча? Неспособный добыть? Врешь!

– Не вру. Пойдем к озерцу. Нгава подождет.

Женщина только сердито взрыкнула, отползая вглубь хи-

жины.

– Смотри! Малое идет вглубь, большое – вширь.

Пока вождь разглядывал из-за кустов, как разбегаются круги по воде, соперник сзади обрушил на его череп мощный удар дубинки.

– Духи вод сказали – вождь слаб! Идем за реку, уьем зигов! – Мощный голос у Аргла. Сильны руки, держащие каменный топор. Племя готово пойти за ним.

Зиги не ждали нападения. Зиги – слабы. Все вышло так, как сказал Старый.

Только новому вождю не повезло. Каменный наконечник копья глубоко вспорол бедро, рана болит. Новые женщины, пляски возле земляных печей, много мяса – все это было много восходов тому назад. Тяжко Арглу, не может охотиться в полную силу. Пошел к озерцу.

Бульк... Тишина... Бульк...

Тощий снова бросает камни. Прихрамывая, вождь подошел совсем близко.

– Зачем? Я понял и сделал все, как велели духи! Зачем бросаешь снова?

– Какие духи? Духи не знают Ча, Ча не знает духов. Просто красиво!

Так появилась душа

– Ба, быстрее! – кричали все, и малорослый Те, и толстая Ми, и дети. Надо уходить от свежей туши рина. Лю слишком сыты, трудно будет драться, когда прибегут падальщики. И грызы могут вернуться.

Ба стара. Она родила сильного Ого. Ого давно задрал грыз. Теперь сильнее всех молодой Ер. Но Ба хитра. Бегает не быстро, опирается на палку. Падальщику послабее хребет перебивала не раз.

А сегодня ползет еле-еле. Нельзя терять Ба. Гер подходит, тащит ее за руку. Она ворчливо рычит, но ускоряет шаг.

Сперва к воде. После к большому дереву. Грызы не лазят по деревьям. Падальщики тоже. Большой ягу не пойдет далеко по траве. В ветвях безопасно.

Все влезли. Только Ба осталась внизу. Легла на бок. Гер сперва смотрел вниз, потом спустился.

Ба лежит тихо. Грудь не вздымается. Гер подергал ее за руку. Рука упала, как сухая ветка. Стала Ба как туша рина. Но рину порвали горло. Все, кто стал тушей, что-то потеряли. Все звери и все лю. Кого-то съел ягу или грыз, кто-то упал со скалы и сломал ногу. Нга проломили голову камнем, за то, что хотел один съесть мясо.

Что потеряла Ба? Тело цело. Голова цела. Что?!?! Не дышит. Все дышат. Она – нет. Вот в чем дело! Значит, даже

сильный и хитрый может потерять... дыхание? Гер никогда не видел, чтоб зверь умер так. Только с лю может случиться такое? У лю есть что-то. Важное. Это можно потерять, даже если целы ноги, руки, голова и живот.

Так появилась душа.

Зеленый алинк

Дневное светило лизнуло оранжевым языком прибрежную скалу, и та слегка зарделась в ожидании дня. Хрипло крикнула проснувшаяся морская птица, а там, где голый песок сменялся травой, из уютного углубления с питательным раствором зеленый алинк выпростал попарно шестнадцать нижних щупалец, обустроивая их поудобнее. С легким щелчком, напоминающим растрескивание созревшего стручка, над округлым блестящим телом поднялись зеленым зонтиком четырнадцать верхних отростков. И сразу же принялись за дело, ловить первые лучи встающего светила. Зеленый не зря назывался зеленым. Энергия фотосинтеза составляла основу его существования. Ему не требовалось убивать, чтобы прокормиться, не нужны были фермы и поля, все это осталось в далеком прошлом. Кремниевые кристаллы надежно помогали хранить память о событиях прошлого, о всех знаниях, накопленных предыдущими поколениями. Его предки сумели решить задачу сращивания живых клеток и микросхем. Почти бессмертный, способный с помощью внешних зондов заглянуть в любые уголки планеты и отразить любую опасность, он мог почти не отвлекаться от единственной достойной его задачи – познания. Сегодня его ждал величайший прорыв. Целый год сверхмощный орбитальный телескоп, с которым алинк поддерживал посто-

янную связь, собирал сведения о том, в каких уголках все-
ленной таятся планеты, способные породить разум. Накоп-
ленной мю-энергии достаточно для того, чтобы совершить
ментальное путешествие по избранным мирам и узнать ответ
на вопрос: возможно ли вступить в контакт с мировым разу-
мом, с надсуществом, которое выше, лучше, могуществен-
ней его самого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.